

Б. Ф. ПОРШНЕВ

В. И. ЛЕНИН О РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Чем дальше идет история нашего времени, тем полнее выступает величие ленинских идей, бессмертие ленинского наследства. Наш долг — неустанно изучать это наследство, стараться как можно правильное и лучше применять его в решении идеологических и политических задач современности. Историки настойчиво учатся освещать коренные вопросы исторического прошлого светом ленинских идей.

Когда большевики во главе с Лениным вели борьбу с идеологией меньшевиков, в этой борьбе не последнее место занял вопрос: что понимает марксизм под буржуазной революцией? Не только русским меньшевикам, значительной части мировой социал-демократии и уж, конечно, всем катедер-марксистам казалось, что Ленин и большевики посягнули на основы марксизма и даже просто на основы логики: позволили себе усомниться в самоочевидной истине, что буржуазная революция — это революция, совершаемая буржуазией. Меньшевики в начале XX в. уперлись в вопрос: в России на очереди дня еще не социалистическая, а буржуазная революция, но русская буржуазия не хочет революции, что же делать? Провести ее без буржуазии, вопреки буржуазии, отвечал Ленин. Буржуазно-демократические преобразования кровно необходимы пролетариату как условие успешности его дальнейшей борьбы против капитализма. Буржуазная революция при противодействии буржуазии? Это называли парадоксом, противоречием. Однако Ленин всесторонне доказал истинность и соответствие марксизму предложенного им решения вопроса.

Такое решение вопроса, т. е. положение о необходимости совершить буржуазно-демократическую революцию против воли буржуазии, обосновывалось прежде всего ленинским анализом эпохи империализма: в условиях загнивающего капитализма буржуазия империалистических стран уже не может быть революционной, она реакционна. Осуществить объективное и неотвратимое требование истории — смести все пережитки, следы, институты феодально-крепостнического строя теперь должны другие общественные силы, так как буржуазия в эпоху империализма — не восходящий класс. Она готова примириться с помещиками, с самодержавно-абсолютистским строем, с остатками натурального хозяйства и внеэкономического принуждения в деревне, мешающими капитализму, поступиться национальной независимостью и политическим представительством, — лишь бы не массовая народная революция, грозящая из антифеодальной перерасти в антикапиталистическую.

В эпоху империализма такое отношение буржуазии ко всякой перспективе революционного подъема, в первую очередь — подъема рабочего движения, очевидно. Но критики Ленина пытались обвинить его в разладе с общеизвестными истинами истории. Не может же эпоха империализма отменить все законы истории! Нет, конечно, эпоха империализма могла лишь усугубить одни черты прошлой общественно-политической практики буржуазии, парализовать другие. Ленин не хуже, а лучше своих критиков знал положение «Манифеста Коммунистической партии» о том, что даже своей

экономической деятельностью своим делячеством и практицизмом, разрушением феодальных иллюзий буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль. Лучше своих критиков знал Ленин и мысли Маркса и Энгельса о руководящей роли самой смелой, лучшей части буржуазии в прогрессивных антифеодальных восстаниях целых народов. «Нельзя быть марксистом, — писал Ленин, — не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных «отечеств», поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»¹. Но Ленин учитывал и то, чего не желали помнить его критики: господу буржуа, писал Маркс, «знают, что во время революции *простой народ* делается дерзким и заходит слишком далеко. Господа буржуа поэтому стараются, поскольку возможно, преобразовать *абсолютную* монархию в *буржуазную* без революции мирным путем»². Это писалось задолго до эпохи империализма. Может быть, это относилось только к Германии? Нет, вот слова Энгельса, относящиеся к Франции — к великой буржуазной революции конца XVIII в.: «Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; ... начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; ... без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и... таким образом, только эти плебеи и совершили революцию»³. В революции 1848 г. Маркс и Энгельс видели задачу немецкого пролетариата в том, чтобы толкать буржуазно-демократическое движение все дальше вперед. Они разоблачали на страницах «*Neue Rheinische Zeitung*» готовность буржуазии из страха перед революционным народом пойти на сделку с монархией и помещиками. Иными словами, «парадокс» Ленина о буржуазной революции, которой сама буржуазия противится, был творческим применением к эпохе империализма уроков, извлеченных еще Марксом и Энгельсом из опыта революционных событий доимпериалистической эпохи.

Теоретическое резюме этих уроков состоит в следующем. Во-первых, надо различать вопрос о буржуазном характере (или содержании) революции от вопроса о том, какие общественные силы ее совершают; следовательно, содержание революции может быть буржуазным даже при отсутствии буржуазии в числе ее движущих сил. Во-вторых, надо различать вопрос о движущих силах революции от вопроса о том, какой класс среди них играет роль гегемона; так, даже если буржуазия и находится в числе движущих сил революции, она может не быть гегемоном, а пролетариат, опираясь на союз с крестьянством, — приобрести роль гегемона.

Ленин писал: «Не означает ли понятие буржуазная революция того, что совершить ее может только буржуазия?»

На этот взгляд часто сбиваются меньшевики. Но этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам. Движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство»⁴. Ленин, отмечая далее стремление буржуазии закончить революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и помещиками, ссылается как раз на опыт 1848 г., когда Маркс все острие пролетарской политики направлял на борьбу с соглашательской либеральной буржуазией⁵. В другом месте Ленин писал: «Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуа-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 197.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 314.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1953, стр. 408.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 297—298.

⁵ См. там же, стр. 298.

зии, как *двигателе* революции»⁶. Снова и снова Ленин отмечал, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции⁷.

Откуда же и как появилось либерально-буржуазное опошление марксистского понятия «буржуазная революция»?

Во времена, когда во II Интернационале и входивших в него рабочих партиях господствовал оппортунизм, происходило непрерывное «синтезирование» марксизма с различными буржуазно-апологетическими концепциями. В частности, надо отметить очень большое заимствование социал-демократическими историками и теоретиками (Каутский, Кунов, Жорес, Плеханов и др.) идей буржуазных историков Французской революции: Гизо, Тьерри, Минье. Именно последние развили концепцию, отождествлявшую Французскую революцию с движением, торжеством, торжеством одной лишь буржуазии. Остальная масса «третьего сословия», согласно этой схеме, лишь следовала за буржуазией. Тем более не было и не могло быть никаких противоречий между буржуазией и этой массой. Данная историческая концепция, некритически воспринятая, весьма определенно содействовала выработке у некоторых социал-демократов обобщения: буржуазная революция — это революция буржуазии.

Другим идейным источником указанного социал-оппортунистического искажения марксизма было лассальянство. Достаточно напомнить мнение Лассалья о крестьянстве как реакционной массе, способной лишь тянуть революцию назад, в пройденное прошлое, в обратном историческом направлении от буржуазного прогресса, который обрекает крестьянство на исчезновение. В изображении германской революции XVI в. героем Лассалья выступил отнюдь не вождь крестьянско-плебейского лагеря Томас Мюнцер, а рыцарь Франц фон Зикинген, которому Лассаль придал черты вождя национально-объединительного движения.

Очень была заинтересована в фальсификации марксизма русская буржуазия. Легальные марксисты во главе со Струве со всех кафедр объясняли, что, согласно учению Маркса, носителем прогресса в отсталой России может являться только буржуазия. Недаром современники острили по поводу легального марксизма: «Во всем мире марксизм — партия рабочего класса, только в России это партия крупного капитала». Легальные марксисты были прямыми учителями меньшевиков в догмате, что раз в России предстоят буржуазные преобразования, значит дело пролетарской партии — поддерживать буржуазию и ни в чем не идти дальше ее начинаний. Ленин писал: «Русская революция буржуазная — говорили все марксисты России перед 1905 годом. Меньшевики, подменяя марксизм либерализмом, выводили отсюда: следовательно, пролетариат не должен идти дальше того, что приемлемо для буржуазии, он должен вести политику соглашения с ней. Большевики говорили, что это — либерально-буржуазная теория. Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски*, а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичье землевладение и т. п.»⁸.

В ответ меньшевики снова и снова вопрошали: а почему бы буржуазии противиться революции, если последняя будет действительно ограничена рамками антифеодальных, т. е. по своему содержанию буржуазных общественных преобразований?

Если суммировать все высказывания Ленина по этому вопросу, то можно выделить три главные причины, на которые он указывал: во-первых, потому, что русская буржуазная революция происходит в эпоху империализма и, следовательно, в условиях зрелости пролетариата для немедленного использования им приобретенных демократических свобод в целях совершения следующей, антибуржуазной, социалистической революции.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 85.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 41.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 271.

Во-вторых, потому, что русская буржуазная революция происходит в стране с преобладающим крестьянским населением, придавленным остатками феодализма и представляющим огромную революционную силу, которую пролетариат может повести за собой. В-третьих, потому, что буржуазия и в прошлые эпохи и в иных странах, даже когда она была революционной, неизменно в ходе революций оказывалась в той или иной мере в противоречии с революционными трудящимися классами, двигавшими революцию вперед.

Остановимся подробнее на этом третьем пункте. Какова, вообще говоря, была природа этих противоречий в ранних буржуазных революциях? Ведь буржуазия была кровно заинтересована в устранении всех тех экономических и политических порядков, которые стояли на пути развития капитализма. С другой стороны, тогда не было объективных условий для социалистической революции, поэтому, казалось бы, буржуазии решительно нечего было бояться. Да, буржуазия могла неизмеримо смелее идти на союз с народными массами до того, как вполне сформировались крупная промышленность — материальная база социализма, и промышленный пролетариат — могильщик капитализма. Но все же незримо во всякой революции, совершавшейся под руководством буржуазии, присутствовала, например, такая неразрешимая для буржуазии проблема. «Победоносное развитие буржуазной революции, — писал Ленин, — предполагает прежде всего основные *экономические* преобразования, сметающие, действительно, все и всякие остатки феодализма и средневековых монополий»⁹. Иными словами, буржуазная революция (как и всякая другая) есть ломка существующих форм и отношений собственности. Но природа буржуазии, как имущего класса, требует, чтобы на знамени революции была начертана неприкосновенность собственности. Неимущие и малоимущие трудящиеся массы рвутся к насильственной экспроприации земли у феодалов, безвозмездной отмене монопольных феодальных прав и пр. Но буржуазия не может допустить нарушения права частной собственности, по крайней мере не прикрытого какой-либо легальной формой. Ленин дважды цитировал замечательное объяснение Марксом того удивительного факта, что классические буржуазные революции не отменили вообще частной собственности на землю, хотя эта мера отвечала бы требованиям буржуазного прогресса: «Радикальный буржуа теоретически приходит к отрицанию частной собственности на землю... Однако на практике у него не хватает храбрости, так как нападение на одну форму собственности, форму частной собственности на условия труда, было бы очень опасно и для другой формы»¹⁰. Аграрный вопрос в истории Английской или Французской буржуазной революции — это, с одной стороны, борьба масс за раздел, захват, уравниваемое перераспределение феодальной собственности, борьба, оправдываемая разными, то более, то менее смелыми теориями и лозунгами; с другой стороны, — это сложнеее крючкотворство новых буржуазных властей для придания вида «законности» конфискациям и распродажам земель роялистов, отмене феодальных платежей и т. п. с тем, чтобы все имущественные сдвиги уложились в прокрустово ложе нерушимости самого принципа частной собственности. Таким образом, в любой буржуазной революции есть неустранимое противоречие между одной задачей революции — произвести глубокие имущественные изменения, и другой — утвердить принцип неприкосновенности частных имуществ. Но беднота деревни и города в момент революционной ломки еще мало заинтересована во второй задаче. «Плебейские методы» расправы бедноты с врагами буржуазии угрожают самой буржуазии: не социализмом, но «черным переделом», при котором уже ни один богач не может быть уверен, что завтра именно он останется в рядах богачей. Говоря шире, непосредственные ин-

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 284.

¹⁰ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1. М., 1936, стр. 138; В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 292; т. 15, стр. 148.

интересы в революции у буржуазии — одни, у трудящихся эксплуатируемых масс — другие. Буржуазия не может подавить феодально-абсолютистский порядок без союза с революционными массами, однако она не может не шарахнуться раньше, в одних исторических условиях, или позже в других, в лагерь контрреволюции.

Разницу между позицией буржуазии в революционных движениях XVII—XVIII вв. и XX в. Ленин удивительно просто объяснил в статье «Отсталая Европа и передовая Азия»: в Европе «отживающая буржуазия соединяется со всеми... отживающими силами», тогда как в Азии буржуазия «еще идет с народом против реакции»¹¹. Вот это подчеркнутое Лениным слово «еще» особенно многозначительно для историка. Именно тот факт, что европейская буржуазия в прошлом, в XVII—XVIII вв., способна была выступать вместе с народом, вместе с «низами» против феодализма, отличает ее от европейской буржуазии XX в.

Этого требовали тогда, в XVII—XVIII вв., собственные интересы буржуазии. Она, будучи самой просвещенной и самой организованной частью антифеодального фронта, сама шла на революцию ради устранения феодализма и абсолютизма, которые ее стесняли. Но для успеха ей нужно было идти вместе с народом. Правда, истории известны и кое-какие буржуазные революции почти без участия народных масс — в Португалии (1910 г.), в Англии (1688 г.) и др. Однако это были отнюдь не «великие революции», отнюдь не вехи всемирной истории. Подлинная революционность буржуазии XVII—XVIII вв. состояла в том, что она в моменты революционных кризисов, хотя и движимая собственными классовыми интересами, способна была действовать в союзе с «низами», тесно соединяться с ними и, руководя ими, одновременно учиться у них.

Чем измеряется революционность буржуазии в любые времена? Степенью ее готовности действовать против феодализма вместе с народными революционными массами. Она либо вместе с массами штурмует феодально-абсолютистский строй, либо старается приспособиться к нему и приспособить его к себе, либо, наконец, она колеблется между обеими линиями. Когда она с массами, мы называем ее революционной, когда она против масс, мы называем ее контрреволюционной. Раз так, ясно, что основной революционной силой в любые времена мы считаем трудящиеся массы, эксплуатируемые низы. Всякий другой класс объективно является революционным классом постольку, поскольку его собственные экономические и политические интересы заставляют его временно объединиться с низами, с большей или меньшей честностью отстаивать хоть некоторые их интересы и руководить ими.

Среди движущих сил любой революции Ленин всегда выделял самый революционный для данной эпохи класс.

«Ни угнетение низов ни кризис верхов,— писал Ленин,— не создадут еще революции,— они создадут лишь гниение страны,— если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»¹². Революциям, по словам Ленина, всегда предшествует «процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, начала революции, причем это начало *не всегда* развивается до конца (напр., если слаб революционный класс)»¹³. Кого же считал Ленин таким основным революционным классом, например, в условиях Французской буржуазной революции XVIII в.?

Политическим и идейным гегемоном в ней была буржуазия. Однако, чтобы понять противоречивость положения этого класса-гегемона, надо учесть, что основной революционной силой, самым революционным классом XVIII в. Ленин сплошь и рядом, как мы сейчас увидим, называет трудящиеся низы деревни и города, а не буржуазию. Три основных класса

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 77—78.

¹² Там же, стр. 196.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 412.

боролись на исторической сцене в то время: 1) класс феодалов, 2) класс буржуазии, 3) класс угнетенных феодализмом непосредственных производителей (от которого еще в полной мере не отпочковался формирующийся рабочий класс) — «низы», «плебеи». И буржуазия и трудящиеся «низы» являлись революционными классами. Однако самым революционным из них Ленин называет не тот, который на протяжении почти всей революции играл роль гегемона.

Ленин писал: «Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины, против этого истинно-революционного класса XVIII века шли войной объединенные монархи Европы... Якобинцы 1793 года вошли в историю великим образом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего *всю* государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*»¹⁴. «Чтобы быть конвентом..., — писал Ленин, — для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса»¹⁵. «Конвент, — утверждал Ленин, — был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство»»¹⁶.

Эти высказывания Ленина о Конвенте и якобинцах 1793 г. отнюдь не являются чем-либо случайным, мимолетным, они выражают ленинскую концепцию, проходящую через многие произведения. Ленин неизменно расценивал якобинцев как партию, опиравшуюся на широчайшие слои трудящегося эксплуатируемого народа. Ленин объяснял, что именно народная борьба против существующей формы эксплуатации (а не буржуазная борьба за новую форму эксплуатации) была сутью якобинства. В статье «Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»?» он писал, что «полной победы не суждено было завоевать якобинцам», так как в XVIII в. «не было материальных основ для социализма», но что торжество «якобинства» в наше время, в XX в., означало бы господство пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством и привело бы к «прочной победе трудящихся». «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение»¹⁷. В другом месте Ленин писал, что «якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»¹⁸.

Приведенные высказывания Ленина о якобинцах 1793 г. находятся в полном соответствии с его оценками в целом Французской революции XVIII в. и Английской революции XVII в. Основным революционным классом в истории этих революций Ленин неизменно считал трудящуюся эксплуатируемую массу деревни и города. Так, солидаризируясь с мнением Энгельса, что только активное вмешательство крестьянства и плебейских элементов города довело до победы и Английскую революцию XVII в. и Французскую XVIII в., Ленин резюмирует как особо важный исторический закон: «Только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 41—42.

¹⁵ Там же, стр. 178.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 339.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 102.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 353.

революцию»¹⁹. При этом Ленин подчеркивает, что «для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план»²⁰, что в этих великих буржуазных революциях старых времен «крестьянство играло выдающуюся революционную роль»²¹.

Итак, вопрос, кто, по Ленину, был основной революционной силой во Франции конца XVIII в., совершенно ясен. Не противоречат ли приведенным многочисленным ленинским высказываниям известные слова Ленина о якобинцах: «великие французские буржуазные революционеры»?²². Нет, не противоречат.

Во-первых, надо отличать понятие «буржуазные революционеры» от понятия «революционная буржуазия». Первое понятие шире. Якобинцы были «буржуазными революционерами» прежде всего в том смысле, что объективно они делали дело буржуазной революции. Но в этом смысле «буржуазными революционерами» были и крестьяне и городское плебейство. «*Весь французский терроризм*, — говорит Маркс, — был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*»²³. Негативное, разрушительное дело буржуазной революции совершала отнюдь не буржуазия. Но революция эта «работала» для буржуазии, и революционеры, опиравшиеся на крестьянство и плебейство, «служили» на пользу буржуазии, «хотя они этого и не сознавали»²⁴.

Во-вторых, если якобинское движение охватывало широчайшие массы народа, то многих вождей якобинцев следует рассматривать как наиболее решительных представителей революционного в ту эпоху буржуазного класса. На этом примере мы как раз убедимся, что в ходе революции отслаивались и отходили в лагерь контрреволюции те фракции буржуазии, которые не хотели дальше идти с народом, тех же представителей буржуазии, которые были наиболее последовательны в готовности идти вместе с народом, эта их революционность увлекла до подлинного служения народу, до забвения ограниченных и узких интересов самой буржуазии в революции. «Историческое величие настоящих якобинцев, — писал Ленин, критикуя псевдоякобинство Плеханова, — якобинцев 1793 года, состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами *своего* времени»²⁵.

У французской буржуазии XVIII в. было немало оснований желать ниспровержения феодально-абсолютистского порядка. Она была революционна по отношению к нему. Но в той самой мере, в какой она отказывалась идти вместе с народом, осуществлявшим это ниспровержение, она становилась контрреволюционной. Надо подчеркнуть, что Ленин в подавляющем большинстве своих высказываний, касающихся Французской революции XVIII в., говорит о «буржуазии» как классе, а не об отдельных слоях или организациях этого класса. Он дает в первую очередь самую общую теоретическую постановку вопроса о роли и поведении класса буржуазии в революции. Но в эту общую постановку вопроса включен, как одна из его сторон, и факт неизбежного отслаивания консервативной, умеренно-либеральной, радикально-демократической буржуазии по мере развития революции. Это отслаивание диктуется борьбой за гегемонию в революции.

Восходящая линия революции в том и выражалась, что руководство переходило от консервативных фельянов к «умеренным» — жирондистам, наконец, к смелым вождям якобинцев. Каждая из этих политических груп-

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 43—44.

²⁰ Там же, стр. 44.

²¹ Там же, стр. 43.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 342.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 114.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 342.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 495. Все приведенные высказывания Ленина о якобинцах, конечно, не исключают того, что среди вождей якобинцев были более правые и более левые элементы, а также и существование таких группировок, отражавших чаяния народных масс, которые стояли еще левее, вне партии якобинцев.

пировок, стоявших одна за другой во главе борьбы с феодально-абсолютистским режимом, отражала интересы тех или иных прослоек буржуазии. Таким образом, буржуазия не только как класс в целом противостояла дворянству, но разные ее фракции, в силу своего экономического положения, были в совершенно различной степени заинтересованы в этой борьбе, следовательно, в союзе с антифеодальными революционными народными силами. Главным и решающим признаком подлинной, последовательной революционности тех или иных деятелей буржуазии в 1789—1794 гг. была готовность идти с народом вплоть до ущемления интересов буржуазии, как показывает пример некоторых якобинцев. Но и до якобинской диктатуры все остальное развитие Французской революции XVIII в. прошло под руководством, под гегемонией тех или иных фракций буржуазии. Буржуазия была вождем и лидером масс, и именно в том, что она брала на себя эту роль, как раз и состояла ее революционность. Чем последовательнее она выполняла эту роль, тем смелее мы ее называем революционной. Чрезвычайно важна мысль Ленина, что этой революционности, демократичности буржуазию в свою очередь учили «низы».

Обратимся к небольшой статье Ленина «О старых, но вечно новых истинах». Критикуя ликвидатора В. Левицкого, Ленин здесь пишет, что те короткие исторические периоды, когда «низам» удавалось во время революции вырвать руководящее положение у буржуазии, «оказывали решающее влияние на то, *какую степень* демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды *своей* гегемонии воспитывали свою буржуазию, перedelывали ее так, что она потом старалась пятиться назад, но *не могла* в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом *всех* европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, а к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея г-ну В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма»²⁶. И далее Ленин снова развивает мысль, что степень демократизма каждой капиталистической страны, степень скрепленной традицией «самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов»» зависит от успешности борьбы «низов» за гегемонию во время буржуазной революции, «зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу»²⁷.

Эти строки вводят нас в глубочайшую диалектику ленинского понимания прогресса в истории. Корень всего прогрессивного Ленин неизменно видел в борьбе эксплуатируемых масс. Была ли буржуазия прогрессивной в эпоху буржуазных революций XVII—XVIII вв.? Да, была; она стремилась отнять власть у дворянства, стремилась устранить экономические помехи развитию капитализма. Правда, буржуазия предпочитала путь реформ для осуществления этих преобразований, однако законы истории заставляли ее вступать на путь революции. Но буржуазия потеряла бы гегемонию, потеряла бы положение вождя в революции, если бы не шла в союзе с быстро революционизирующимися массами; стремление сохранить гегемонию и заставляло буржуазию проникаться революционными, демократическими, прогрессивными идеями и принципами, которые могли сплотить вокруг нее массы, вызвать их доверие и повести их за нею в бой.

В той же статье «О старых, но вечно новых истинах», где, казалось бы.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 184—185.

²⁷ Там же, стр. 185.

буржуазия совершенно развенчана Лениным, он возносит на огромную высоту ее революционно-демократических лидеров XVII—XVIII вв. Ленин пишет: «Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшого брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшого брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных... И из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий»²⁸. Эти слова помогают понять диалектику ленинской мысли. Революционность английской буржуазии середины XVII в. и французской конца XVIII в. выражалась именно в том, что на известных этапах революции она не пугалась революционности «низов», напротив, поставляла им *самых* пламенных руководителей, — и тем самым, руководя массами, училась у них. Ведь дать лозунги стихийному движению масс вовсе не значит навязать им нечто чуждое их интересам; напротив, это значит прислушаться к их чаяниям, осознать, хотя бы более или менее верно, некоторые их интересы.

В статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», громя П. Виноградова, призывавшего Россию идти не по пути Франции 1789 г., а по пути Германии 1848 г., Ленин сравнивает оба эти пути. Переворот 1848 г. произошел, говорит он, главным образом под руководством либеральных буржуа, ведших за собой «на буксире» массы, тогда как переворот 1789 г. «проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию»; этот переворот 1789 г. «доставил на известный период господство революционному народу»²⁹.

В статье «О двух линиях революции» Ленин, сравнивая нисходящую линию французской революции 1848 г. с восходящей линией революции 1789 г., писал о последней: «Буржуазия... верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции»³⁰. Победителем французского феодально-абсолютистского строя Ленин называет тут не буржуазию: «Восходящая линия была в 1789 г. формой революции, в которой масса народа победила абсолютизм»³¹. Но «масса народа» тогда не могла победить без руководства буржуазии. Те короткие моменты, когда массы отбрасывали руководство буржуазии, только подтверждали, что они все равно не могут всерьез выйти за рамки буржуазной революции, что, следовательно, буржуазия могла бы в конечном счете не бояться «за прочность своего господства». Именно эти же короткие моменты, как и вообще постоянные порывы масс, хотя бы не удававшиеся, «отодвинуть в сторону солидную и умеренную буржуазию» не только пугали буржуазию, они и учили ее самую смелую часть революционности. Добиться победы буржуазия могла только с массами, т. е. будучи революционной. В этом смысле массы вели за собой буржуазию «на буксире» даже на тех этапах революции, когда она пламенно и смело возглавляла их.

Очень много дает для понимания ленинского метода в постановке этого вопроса его критика Мартова в статье «Принципиальные вопросы избирательной кампании».

Здесь Ленин прямо развивает мысль, что все политически-прогрессивное, чем по праву может гордиться французская буржуазия, было плодом соответствующего «перевоспитания» ее со стороны народных революционных масс. «Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 183.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 217.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 379.

³¹ Там же.

свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов... В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных («левоблокистских», не во гнев будь сказано Л. Мартову!) элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена. В Пруссии, и в Германии вообще, помещик не выпускал из своих рук гегемонии во все время буржуазных революций и он «воспитал» буржуазию по образу и подобию своему. Во Франции гегемонию раза этак четыре за все восьмидесятилетие буржуазных революций отвоёвал себе пролетариат в разных сочетаниях с «левоблокистскими» элементами мелкой буржуазии, и в результате буржуазия должна была создать такой политический строй, который более угоден ее антиподу»³².

Как видим, буржуазия в политике такова, каков ее «воспитатель», т. е. класс, который достаточно активен и силен, чтобы стремиться перебить (и в той или иной мере перебивает) у нее гегемонию в общественном движении. Она становится демократической и республиканской лишь постольку, поскольку ее «воспитывает» революционный народ, порывающий с нею, если она изменяет ему.

Что понимает тут Ленин под «левоблокистскими» элементами в широком историческом смысле?

В этой же статье он противопоставляет Мартову, всей исторической концепции меньшевизма, мысль, что столкновения между буржуазией и помещиками-землевладельцами, хотя и неизбежны, но никогда в истории не были резки и решительны. «Напротив, резки и решительны — скольнибудь резки и решительны — были столкновения между крестьянами и помещиками, между рабочими и капиталистами»³³. Революционная тактика рабочего класса всегда состояла в том, чтобы искать союза с крестьянством и демократической мелкой буржуазией, отвлекая их от союза с колеблющейся либеральной буржуазией. Это и есть «левоблокистская» тактика в широком смысле слова. Ленин продолжает: «Не было *ни одного* буржуазно-освободительного движения в мире, не дающего примеров и образцов «левоблокистской» тактики, причем *все* победоносные моменты этих движений связаны *всегда* с успехами этой тактики, с направлением борьбы по этому пути вопреки колебаниям и изменам либерализма. Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»³⁴. Ленин ссылается далее на критику Марксом трагедии Лассаль «Зикинген» за то, что Лассаль ставил бюргерско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-крестьянской³⁵.

Итак, буржуазию мы считаем революционной и прогрессивной на тех этапах, когда она шла в союзе с крестьянско-плебейскими революционными массами и более или менее смело возглавляла их.

Но это не значит, что и на таких этапах революции не было скрытого противоречия между буржуазией и «низами». Их конкретные интересы и, соответственно, их методы борьбы с феодализмом и абсолютизмом были глубоко различны. Поэтому-то на протяжении всей революции и шла то невидимая, то видимая борьба за гегемонию, борьба, в которой буржуазии было очень трудно удерживать перевес на своей стороне.

В самом деле, к чему в конечном счете стремились массы во всех великих революциях, хотя бы сами того ясно не сознавая? Все великие револю-

³² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 368.

³³ Там же, стр. 371.

³⁴ Там же, стр. 373.

³⁵ См. там же, стр. 373—374.

ции, говорил Ленин, «стремились не только завоевать политические права, но и вырвать самое управление государством из рук господствовавших классов, всяких эксплуататоров и угнетателей трудящихся, чтобы раз навсегда положить предел всякой эксплуатации и всякому угнетению»³⁶. Массы боролись против существующей формы эксплуатации, а не за новую форму эксплуатации. Буржуазии же надо было использовать борьбу крестьян против помещиков для захвата власти в свои руки и для замены феодальной эксплуатации капиталистической эксплуатацией.

Вот на это-то противоречие и указывал неустанно Ленин, обобщая опыт всех буржуазных революций в истории. В своей классической работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал: «Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении... были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья»³⁷.

Но, несмотря на это глубокое противоречие, в XVII—XVIII вв. у крестьянства не могло быть другого вождя, кроме буржуазии, а у буржуазии не могло быть пути к власти, кроме как на гребне народной революции.

Крестьянская или крестьянско-плебейская масса не могла сама добиться победы. Она по самой своей природе обречена колебаться. «Это показал, — говорит Ленин, — общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддерживаемые временно деревней, но не бывало упорченной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики, своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях»³⁸. Крестьянская борьба была сильна своим стихийным напором, отрицанием феодализма, ненавистью к угнетателям, но она была слаба своей идейной и организационной стороной. Крестьяне, прежде всего в силу своей распыленности как мелкие производители, не могли иметь ясной программы действий и создать сильной и единой организации для борьбы. Поэтому-то, говорит Ленин, крестьянина в истории всегда экономически и политически, в том числе во время революции, объединяет и возглавляет либо буржуазия, либо пролетариат³⁹. Последовательно руководить основной крестьянской трудящейся и эксплуатируемой массой, довести ее борьбу до ликвидации всякой эксплуатации может только пролетариат. Но так как рабочий класс был еще очень неразвит в XVII—XVIII вв., он не мог тогда играть такой роли. Оставалась одна буржуазия как возможный руководитель крестьянства.

Если мы называем мануфактурных рабочих XVII—XVIII вв. «пред-пролетариатом», то и буржуазия на мануфактурной стадии капитализма была экономически далека от буржуазии эпохи промышленного машинного капитализма. И вот именно эта ранняя буржуазия и именно потому, что ее антагонизм с рабочим классом еще не развился до высшей степени, играла революционную роль, становилась во главе народных революционных масс. Ведь и Английская революция XVII в. и Французская революция XVIII в. произошли еще на мануфактурной, а не на машинной стадии капитализма.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 434.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 34.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 257—258.

³⁹ См. там же, стр. 339.

Революционность этой не вполне развившейся буржуазии была тогда следствием ее собственного антагонизма дворянству, господство которого мешало развитию капитализма, но еще более — следствием колоссального напора на дворянство со стороны его основного антагониста, крестьянства. Ранняя буржуазия сама по себе никогда не выступала с оружием в руках против феодально-абсолютистского строя, хотя он ее и стеснял. Она предпочитала приспособливаться к нему и по мере возможности приспособлять его к себе. Буржуазные «верхи» срастались с феодальными «верхами». Но объективные противоречия снова и снова ставили перед буржуазией вопрос о необходимости ликвидации феодализма. Нарастание революционного подъема «низов» создавало в конце концов кризис «верхов», расширяло трещину среди «верхов». В условиях формирующейся революционной ситуации лидеры буржуазии ощущали возможность захватить власть в свои руки, если соединиться с «низами» и использовать в своих интересах их натиск на феодализм. В этой атмосфере возможного и стихийно надвигающегося социального взрыва даже не вполне развившаяся еще противоположность между мануфактурным капитализмом и феодализмом подчас оказывалась достаточной силой, чтобы побудить буржуазию на революцию.

Как видим, революционная ситуация в XVII—XVIII вв. совершенно так же, как и позже, порождалась прежде всего нарастающим подъемом «низов». Но в отличие от XIX—XX вв., где главная роль принадлежала пролетариату, тогда и в тех условиях это был преимущественно подъем крестьянства. К Франции XVIII в., как «крестьянской стране», вполне применимы слова Ленина: «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения»⁴⁰, т. е. не могли бы остановить складывания революционной ситуации.

Но наличие этого фактора, крестьянского революционного подъема, далеко не всегда в XVI—XVIII вв. сопровождалось выступлением буржуазии, ее борьбой за власть. Напротив, в подавляющем большинстве случаев крестьянские и плебейские восстания пугали буржуазию. Она от этого огня лишь теснее жалась к твердыне феодально-абсолютистского строя. Во время великой крестьянской войны XVI в. в Германии бюргерство, сначала было сделавшее шаг к революции, затем предало ее, побоявшись обжечь себе пальцы. В Нидерландах XVI в., в Англии XVII в. буржуазия отважилась на половинчатый, непоследовательный союз с народными массами, яростно штурмовавшими феодализм, но свой приход к власти она использовала прежде всего для того, чтобы не дать им доломать феодализм. Во Франции XVIII в. буржуазия выступила наиболее революционно, т. е. во всей европейской истории наиболее смелым образом пошла на союз с народными революционными массами.

В XVIII в. в составе французской народной массы главное место принадлежало крестьянству. Рабочий класс был неразвит и не мог оказать влияния на крестьянское движение, скорее сам испытывал его влияние. Поэтому буржуазии было сравнительно нетрудно выполнить в революции свою охранительную роль в отношении буржуазного богатства, она могла отважиться возглавить антифеодальную революцию. В XIX в. мы видим второй этап буржуазных революций. Пролетариат значительно вырос, он уже выступает против буржуазии как самостоятельная политическая сила, но зато он утратил единство с крестьянством. Поэтому буржуазия еще могла в ряде случаев играть с огнем революции, противопоставляя друг другу пролетариат и крестьянство, изолируя пролетариат и не давая ничего завоевать ни тому, ни другому. Борьба пролетариата в 1848 г. и 1871 г. во Франции потерпела поражения главным образом потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Наконец в XX в., в эпоху

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 57.

империализма, мы видим третий этап буржуазных революций. Пролетариат еще более созрел. Снова пролетариат и крестьянство идут вместе, теперь уже под главенством пролетариата. При таком союзе буржуазия уже не способна охранять буржуазные порядки в ходе революции и потому с самого начала является контрреволюционной.

Однако и в эпоху империализма в колониальных и зависимых странах буржуазия способна играть прогрессивную и подчас революционную роль, особенно в борьбе против иностранных империалистов. Национальная буржуазия здесь еще может в той или иной мере идти с народом против реакции ⁴¹.

В этих странах борьба за национальную независимость неизменно становится одним из главных вопросов. Следует подчеркнуть, что игнорирование ленинского положения об особенностях роли буржуазии в освободительных движениях стран Азии сравнительно со странами развитого капитализма ведет сплошь и рядом к серьезным ошибкам в политике. Сбрасывание национальной буржуазии с баланса прогрессивных общественных сил может толкнуть коммунистические и рабочие партии стран, угнетаемых империализмом, к сектантству. Это способно привести к тому, что изолированными от участия в широком антиимпериалистическом фронте окажутся не буржуазия, а сами эти партии.

Главным вопросом буржуазной революции, поскольку она направлена против феодализма, естественно, в большинстве конкретных случаев выступает аграрный, шире — аграрно-крестьянский вопрос. Однако и в далеком прошлом история знала такие буржуазные революции, главным вопросом которых был не аграрный вопрос, а, скажем, национальный вопрос, вопрос политического объединения или политической независимости страны. Примерами революций, где основным вопросом была политическая независимость, могут служить нидерландская война за независимость XVI в., американская война за независимость XVIII в. Примерами революций, где основным вопросом было политическое объединение страны, может служить революционная борьба в Германии и в Италии в середине XIX в. Однако и во всех этих революциях аграрный вопрос играл свою немаловажную роль. Что касается буржуазных революций в колониальных и зависимых странах в эпоху империализма, то и в таких революциях наряду с национально-освободительными, антиимпериалистическими задачами движения, захватывающими широкие круги нации, большее или меньшее место занимает аграрно-крестьянский вопрос.

Когда речь заходит о понятии буржуазной революции, нередко возникает путаница, связанная с попытками определить буржуазную революцию не только как антифеодальную, но как такую революцию, которая обязательно приводит к власти буржуазию или ведет к утверждению капитализма.

Во-первых, это верно лишь применительно к далекому историческому прошлому, когда действительно всякая победа антифеодальной революции была победой буржуазии и утверждением капитализма. Но ведь в новых исторических условиях и в задачи социалистической, пролетарской революции нередко входит в качестве «попутной задачи», как показал Ленин, задача ликвидации остатков феодализма, т. е. то, что называется задачей буржуазно-демократической. Разрешение этой задачи в таком случае отнюдь не ведет к утверждению капитализма, к расчистке путей для него, к возвышению буржуазии. Общим и в тех и в других условиях является лишь ликвидация остатков феодализма. Если бы мы видели суть всякой буржуазной революции и буржуазно-демократических преобразований в утверждении капитализма, мы не могли бы допустить возможность случая, когда такие преобразования служат попутным элементом социалистической революции: задача социалистической революции — ликвидация капитализма.

⁴¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 77—78.

ма, и поэтому все, служащее утверждению капитализма, непримиримо стоит на ее пути. Напротив, ликвидация феодализма ничуть не противоречит интересам борьбы за социализм, более того, необходима, ибо социализм — общество без какой бы то ни было эксплуатации человека человеком.

Во-вторых, нельзя определять каждую буржуазную революцию как революцию, утверждающую капитализм, и по другой, более конкретной причине: бывают же и неудавшиеся революции. Ведь термин «революция» Ленин применяет как к победившим революциям, так и к потерпевшим поражение, т. е. не давшим вообще прямого результата в смысле изменения общественно-производственных и политических отношений. Понятие «революция» может быть употреблено в трех разных случаях: 1) в случае вполне результативной революции, приведшей к слому старых отношений и утверждению новых; 2) в случае, когда революция привела лишь к кратковременному захвату власти, но не успела дать коренного изменения общественных отношений из-за натиска контрреволюции (так, Парижская коммуна 1871 г., будучи зачатком диктатуры пролетариата, не ознаменовалась утверждением социалистических производственных отношений); 3) в случае, когда революционное выступление потерпело поражение еще до захвата власти: например, мы называем буржуазными революциями и революцию 1905 г. в России и великую крестьянскую войну 1525 г. в Германии.

Кстати, и споры о возможности применять к реформации и крестьянской войне в Германии XVI в. определение «буржуазная революция» объясняются в немалой мере забвением особенности этой группы буржуазных революций: неудавшихся, потерпевших поражение. Нельзя искать единый экономический масштаб для предпосылок любой буржуазной революции — удавшейся и неудавшейся. Ведь к числу причин, объясняющих поражение революции, может подчас относиться меньшая глубина несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, чем в случаях победивших революций, а, следовательно, поиски единого обязательного уровня этого несоответствия для всех и всяческих буржуазных революций являются делом бесплодным. Ленин, вслед за Энгельсом, прямо относил реформацию и крестьянскую войну в Германии к истории буржуазных революций, нимало не смущаясь тем, что это не было движением преимущественно буржуазии⁴².

Недостаточным изучением ленинских высказываний в основном объясняется и существование до сих пор среди историков путаницы в вопросе о разграничении «буржуазных» и «буржуазно-демократических» революций.

В действительности такой задачи — разделить все имевшие место в историческом прошлом революции на две группы, «просто буржуазные» и «буржуазно-демократические», — ни Ленин, ни кто-либо другой перед историками никогда не ставил. Вызывают удивление и те историки, которые уверяют, будто Английская буржуазная революция XVII в. была до 1649 г. буржуазной, а с этой даты стала буржуазно-демократической.

На самом деле революции по своему характеру делятся на буржуазные и социалистические. Буржуазные же революции по движущим силам могут представлять целую гамму от верхушечных до народных. То место в работе Ленина «Государство и революция», где говорится о «буржуазных» и «народных» революциях⁴³, вовсе не требует классификации всех революций на два разряда. Ленин приводит здесь примеры таких буржуазных революций, которые ввиду отсутствия заметных активных, самостоятельных выступлений народных масс нельзя назвать демократическими, народными. Приводит Ленин пример и такой революции — революции 1905—1907 гг. в России, — которая была действительно народной. Значит

⁴² См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 43.

⁴³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 388.

ли это, что, по мысли Ленина, между обоими полюсами нет ничего и что все остальные революции надо отнести либо туда, либо сюда?

Напротив, Ленин насмешливо отвечал авторам, противопоставлявшим понятия «буржуазная революция» и «демократическая революция»: «Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения, — была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной степени демократической?»»⁴⁴. Действительно, глубоко прав Ленин, что такая буржуазная революция, которая не была бы хоть до известной степени демократической, немыслима. Указанные ленинские примеры верхушечных и народных революций помогают историкам понять, что в любой из других буржуазных революций боролись эти самые две тенденции: тенденция буржуазии отстранить народные массы от причастности к политическому перевороту и тенденция народных масс совершить антифеодальную революцию своими собственными силами, отстраняя или подталкивая умеренную буржуазию.

Если Ленин приводит примеры турецкой (1908 г.) и португальской (1910 г.) революций как верхушечных, а русской революции 1905 г. как народной, то это лишь крайние точки, два полюса, между которыми укладывается подавляющее большинство всех буржуазных революций. Даже в турецкой и португальской революциях, по Ленину, дело обошлось не без народа, а без «заметных» его выступлений, т. е. народное антифеодальное движение здесь составляло только фон, далекий задний план политического буржуазного переворота. Как на образец верхушечной буржуазной революции можно указать также на переворот в Англии в 1688 г. («Славная революция»), когда буржуазия в момент переворота не допустила никаких широких политических выступлений грозно бурливших народных масс.

Понятие «буржуазно-демократическая революция» чаще всего относят к революциям империалистической эпохи, совершаемым народом под гегемонией пролетариата при противодействии контрреволюционной буржуазии. Бесспорно, что такие революции имеют право именоваться буржуазно-демократическими. Но Ленин никогда не противопоставлял этого термина великим революциям доимпериалистической эпохи. Напротив, он многократно называет «буржуазно-демократическими» такие революции, как Английская революция XVII в., Французская революция XVIII в., революции 1848 г. во Франции и Германии. Словом, речь идет вовсе не о классификации всех революций на два разряда, а о том, что во всех буржуазных революциях, во всяком случае во всех крупнейших, происходит борьба указанных двух тенденций: буржуазия стремится максимально ограничить размах революции, по возможности не дать народным массам ничего завоевать для самих себя, тем более влиять на политику, иначе говоря, стремится сделать революцию только верхушечной, тогда как массы не только добиваются завоеваний и осуществляют их, но в той или иной мере претендуют на гегемонию, теснят буржуазию, заставляя часть ее лидеров леветь, словом, придают буржуазной революции демократический характер.

Некоторые буржуазно-демократические революции Ленин называет «крестьянскими революциями». К такого рода революциям он относит как русскую революцию 1905—1907 гг., так и великие буржуазные революции «старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль»⁴⁵.

Эту роль крестьянства в буржуазных революциях Ленин неизменно рассматривал как двойственную, соответственно с двойственной экономической природой самого крестьянина: в нем борются «две души» — мелкого буржуа-хозяинчика и эксплуатируемого труженика. Ленин, с одной стороны, указывал, что если русская городская буржуазия в XX в. контр-

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 179.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 43

революционна, то ведь буржуазию в революции в известной мере может представлять мелкая буржуазия деревенская, крестьянство. «В России, — писал Ленин, — буржуазная революция совершается в таких условиях, при которых существует радикальный буржуа»⁴⁶. «Этот радикальный буржуа — русский крестьянин»⁴⁷. Однако было бы совершенно неверно весь вопрос об антифеодальной революционной борьбе крестьянства свести к тому, что крестьянство было фракцией, частью буржуазии. Нет, Ленин многократно подчеркивал другую сторону вопроса: крестьянство боролось против феодализма прежде всего как эксплуатируемый трудящийся класс. И только эта сторона борьбы крестьянства открывала широчайшие возможности для союза пролетариата и крестьянства, более того, для руководства крестьянством со стороны пролетариата в буржуазной революции. Русская буржуазно-демократическая революция не могла победить иначе, учил Ленин в 1905 г., как в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Роль гегемона в русской «крестьянской революции» Ленин отводил пролетариату. Ленин не устал повторять и развивать в борьбе с меньшевиками тезис о ведущей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции. «Исход революции, — подчеркивал он, — зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции»⁴⁸. А в другом месте Ленин писал: «Буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа»⁴⁹.

Но, отводя пролетариату роль лидера в буржуазно-демократической революции, Ленин требовал четкого и абсолютно обязательного для всякого марксиста проведения грани между буржуазной революцией, хотя бы самой демократической и руководимой пролетариатом, и пролетарской, социалистической революцией. Без противопоставления этих двух видов революции не может быть научно-обоснованной стратегии пролетарской партии. Без этого противопоставления не может быть и научного изучения и осещения истории нового и новейшего времени.

Одним из важнейших вопросов, связанных с этим противопоставлением, является вопрос о перерастании буржуазной революции в социалистическую (о так называемой перманентной революции). Ленин гениально развил применительно к империалистической эпохе мысль, высказанную Марксом и Энгельсом в результате опыта революции 1848—1849 гг.: пролетариат может и должен добиваться доведения до последовательного и полного завершения буржуазно-демократической революции, оттесняя от руководства одну за другой фракции буржуазии, с тем, чтобы непосредственно и немедленно переходить вслед за тем к осуществлению задач революции социалистической. В настоящей статье не может быть рассмотрено ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Здесь важно лишь подчеркнуть и эту сторону ленинского учения: буржуазная и социалистическая революции, хотя и глубоко различны по своему характеру, но неотделены друг от друга китайской стеной, — в определенных исторических условиях они тесно взаимосвязаны.

Огромное богатство ленинских мыслей о буржуазных революциях вооружило коммунистические партии всего мира. В частности, эти мысли

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 148.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 294.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 5.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 477—478.

очень важны для всех стран, где историческая задача ликвидации феодально-крепостнических отношений еще не выполнена до конца. Ленинское учение о буржуазной революции, ее задачах и движущих силах, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую осветило путь к победе строя народной демократии в ряде стран Европы и Азии.

К числу важных проблем новейшей истории относится анализ соотношения буржуазно-демократических и социалистических преобразований в развитии народно-демократических революций. Конкретные особенности разных стран народной демократии обусловили большое многообразие реальных переходов, взаимосвязей, соотношений между буржуазно-демократическими и социалистическими преобразованиями. Только конкретный анализ живого исторического процесса в каждой стране социалистического лагеря даст исчерпывающие ответы на эти острые теоретические вопросы.

Ленинское наследство в вопросе о буржуазных революциях является важной частью идейного вооружения коммунистических партий всего мира. Оно помогает передовой исторической науке в освещении прошлого, в борьбе против ревизионизма и буржуазной идеологии.

